

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

и

СѢВЕРНЫЙ АРХИВЪ.

1850. № XII.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Д у э л ь.

(Второй офицерскій вечеръ) (*).

„Вошь и пролешѣло льшо, какъ выражаешся Чалинь, скорѣ пули Французскаго егеря!“ сказалъ Линскій, снимая съ себя шарфъ и киверъ, и показывая офицерамъ рукою на спуля.

„Но клянусь, Полковникъ, зарядъ времени вѣрнѣе заряда Французскаго спрѣлка: онъ во всякаго попадаешъ, а досадные формулярные списки, ш. е. наши лица — продолжалъ Вѣринъ, — шакъ ясно означаютъ его дѣйствія, что не сподѣшь и опширашся ошь пошеръ, кошорыми мы ему обязаны.

(*) Первый офицерскій вечеръ напечатанъ въ Невскомъ Альманахѣ на 1827 годъ.

„Комическая странность! Вѣринъ и женщины вѣчно недовольны временемъ, и ни ты, любезной поварищъ, ни онъ не знаюшь ему цѣны. Я могу насчипатьдесяшь случаевъ, въ кошорыхъ ты желалъ проспашъ при, чепыре недѣли, чпобъ полько скорѣ бышь на предположенномъ кашаньѣ, балъ, маскарадъ, или чпобы скорѣ увидѣшь какое нибудь изъ своихъ ожиданій исполненнымъ. — Если не въ нашей власпи оспановишь пруды неумолимыхъ Парокъ, шо, по крайней мѣрѣ, мы можемъ не замѣчашъ длины выпряденной ими ниши; по крайней мѣрѣ, можемъ приучишь себя равнодушно встрѣпишь пошь конецъ ея, за кошорымъ слѣдуешъ пайна. — Солдашь, двадцашъ разъ пригошовлявшійся проспашъся съ лучшими желаніями своего сердца, съ сущесшвами для него милыми и безцѣнными, съ жизнию, въ шо время, — когда она, какъ недавній подарокъ, пѣшишь и радуешъ насъ; однимъ словомъ, съ прекраснымъ міромъ во всемъ смыслѣ этого многозначащаго слова, легко можешъ бышь Философомъ; но кспашпи о Чалинѣ, не слыхалъ ли кпо нибудь изъ васъ, господа, когда онъ возврапишься изъ оппуска?“

Онъ писалъ, Полковникъ, отвѣчалъ Ванинъ, что будешь въ началъ слѣдующаго мѣсяца, и что воды совершенно возвратили ему здоровье.

„Уговоръ лучше денегъ!“ сказалъ Капипанъ; „въ первое посѣщеніе Маіора Ванинъ долженъ разсказать намъ о себѣ. Конечно мы просимъ, если его разсказъ не будешь дышать такимъ же романшизмомъ, какимъ удивилъ насъ Маіоръ, родившійся безспорно въ вѣкъ самого строгаго классицизма, въ то время, когда разрушительная рука Карамзина, бытъ можешь, еще ошибочно чертила шѣ буквы, копорыя въ послѣдствіи, соединясь въ извѣстномъ порядкѣ, подарили прекрасныхъ *Блдною Лизого*, а языкъ. . . .“

Новыми, очаровательными оборотами, хотѣлъ ты сказать, перервалъ его Ванинъ; согласенъ съ тобою — и согласенъ выполнишь, при первомъ посѣщеніи Маіора, общую просьбу; но за довѣренность мою пошребую вознагражденія, копорого навѣрное ты не въ силахъ будешь сдѣлать.

Какого?

Бездѣлицы — скромности.

„Посмотрите лучше на опшельниковъ, чѣмъ прашишь время за пустыми счешами!“ началъ съ улыбкою *Динскій*, желая

дашь другой оборотъ разговору: „они хопя сидяшь другъ возлѣ друга, но пакъ же смошряшь въ разныя спороны, какъ во многихъ Эле іяхъ два близспоящіе спиха!“ Дѣйствительно, *Лановъ*, знакомый уже съ годъ моимъ чипашелямъ, и *Вѣтринъ*, переведенный въ батальонъ послѣ производсва, сидѣли не въ дальнемъ разспояніи одинъ опъ другаго, насупивъ брови, молча, и, казалось, не обращаая вниманія на общій разговоръ.

„Ба! да это что, нибудь значить!“ сказалъ *Вѣринъ*, и хопѣлъ подойти къ нимъ. — „Въ наспоящемъ“, опвѣчалъ Полковникъ, „весьма необыкновенное происшествіе попому, что мнѣ посчастливилось его окончить — и непріятное, если бы случилось вамъ, *Капишанъ*, бышь въ шо время на моемъ мѣспѣ. Вы меня спрашиваете глазами, — вошь все въ корошкихъ словахъ:

Вѣринъ разговаривалъ съ нашимъ учекымъ и придалъ Россіи около 30 квадрашныхъ миль лишняго проспрансва; другой бы смолчалъ, но *Лановъ* заспорилъ. Юноша не соглашался, подкрѣплялъ свое мнѣніе географическими классными записками, и накликалъ на себя насмѣшку; *Лановъ* замѣшилъ ему съ саширическою улыбкою, что если основываешь на шомъ, что въ

Германіи нѣкопорые носы роспушь и до-
пусшишь по же самое съ Чукошскимъ Но-
сомъ, по онъ, повѣривъ шакому прираще-
нію, постарается написашь диссертацію
о поѣздкѣ на лыжахъ по Чукошскому Носу
къ Сѣверному Полюсу. — Оспроша и сар-
доническая усмѣшка Ланова, вы знаете,
какъ она обидна кажешся для новичковъ, за-
дѣли Вѣприна за живое; начали говорись
о писподепахъ; но я все слышалъ и подо-
спѣлъ во время; оба были виноваты: одинъ
прошивъ Географіи, другой прошивъ благо-
разумія; но оба споль благородны, что
шопчасъ сознались въ своей несправедли-
вости, и при мнѣ помирились.

Жаль! — вырвалось у Вѣрина, охопни-
ка до дуэльныхъ, а не философскихъ при-
мирений; но румянецъ, вспыхнувшій на ще-
кахъ его, ясно показывалъ, что онъ жа-
лъль уже о своемъ неоспорожномъ воскли-
цаніи. — „Жаль,“ продолжалъ онъ гораздо
пише, желая привязашь эшо слово къ дру-
гой мысли: „что они, какъ кажешся, сбере-
гли еще опъ своей размолвки непріятныя
чувствованія.“

„Ну, послѣ грозы облака скрываются
понемногу, мой скромный Капишанъ; если
вамъ не будешь скучно, по для развлече-
нія молодыхъ людей, а болѣе, чтообы дока-

запѣ, какъ я доволенъ ихъ примиреніемъ, расскажу одно происшествіе изъ моей жизни, послѣ котораго я сдѣлался непріятелемъ поединковъ, ш. е., пропивникомъ вашимъ, Капишанъ, относительно средствъ доказывать свою невинность.— Какъ угодно, а мнѣ кажется, что не дурно положить за правило, каждому офицеру въ свою жизнь хоть разъ поспрѣляться. Это рождаешь какое-то благородство духа, и гонитъ робость, весьма свойственную дѣтямъ Еввинымъ. Споешь разъ бытъ на дуэли, а шамъ ошъ спраха киверь съ головы не свалился, хопя бы не было и чешуи.

„Какъ эшо?”

Просто, когда ошъ спраха поднимушся волосы, шо всячески киверь пошеряешъ равновѣсіе.

„Ну, оспроша - шо понапянуша, да эшо не въ счешъ. . . .

Подполковникъ хощѣлъ говорить, какъ Графъ Мирскій, ближній помѣщикъ, знакомый Линскому по сполицѣ, вошелъ въ комнату. — Всѣ офицеры, часшо у него бывавшіе и пользовавшіеся богатымъ хлѣбосольствомъ Графа, встрѣшили гостя съ особеннымъ удовольствіемъ.

Мирскій, узнавъ, къ чему собрался шѣсный кружокъ вокругъ Подполковника, объ-

явиль, что онъ желаетъ бытъ слушателемъ, занявъ порожній стулъ — и Линскій началъ :

„Вы знаете, что мѣспомъ начальной моей службы была шумная споллица, гдѣ на каждомъ шагу встрѣчаемъ предметы, возраждающіе въ насъ наклонность къ разсѣянности, и я въ первые годы былъ увлеченъ бурнымъ пошомъ въ свѣтскія общесства, въ кошорыхъ шакъ много видишь людей — шакъ мало чувствованій и мыслей! Человѣкъ въ молодости принимаетъ характеръ, какой даетъ ему рука образовашелей; онъ, какъ справедливо изъяснилъ одинъ изъ Писателей, подобенъ бѣлой книгѣ, въ кошорой всякой пишеть, что ему вздумается, — и шакъ, можете себѣ предспавишь, что олпечашокъ, данный мнѣ моимъ наспавникомъ, ш. е. общесствомъ, не былъ оригиналенъ, что бѣлые листы книжки моей жизни были исписываемы лѣниво, и по безцвѣшными чернилами; что же еще бросалось въ глаза, — шо это были легкіе очерки грубаго самонадѣянія, безспыдной лѣности, поверхностныхъ познаній, — да и сіи достоинства почерпались изъ плоскихъ Водевелей или напшнупыхъ Комедій, въ кошорыхъ самое комическое лице бывалъ спрадалецъ Авшоръ.

По счастью, Провидѣніе пеклось обо мнѣ, и навело меня на человѣка, копорому я обязанъ моимъ нравспвеннымъ образованіемъ: онъ возбудилъ во мнѣ спавшее чувство опличашься познаніями и поступками, опвлекъ меня опъ собраній, гдѣ помипся спарость, гдѣ заранѣ исчезаетъ цвѣшь молодоспи подѣ гнепомъ приличія и спяжкой принужденноспи; я часпо бывалъ у него. Просвѣщенный науками умъ, вкусъ образованный и вѣрный, и прелестъ семейнаго счастья манили меня въ домъ Рошмиспра.

Назову его Лелинымъ.

Такъ, друзья мои, всѣ вѣрныя сужденія я извлекъ изъ вечернихъ разговоровъ сихъ избранныхъ людей; въ ихъ глазахъ я сдѣдался болѣе добрымъ въ шо время, когда пресыщеніе гошовило для меня не любовь къ человѣчеспву, когда мрачный геній разочаровывалъ въ моихъ понашіяхъ людей, и раздувая въ довѣрчивомъ сердцѣ жалобы на жребій, знакомилъ меня съ ропопомъ на Провидѣніе. Пролешѣло много, много лѣшь съ шого времени, и я, благодарный имъ за добро, не изгладилъ въ душѣ моей воспоминанія обѣ ихъ бесѣдахъ, слилъ памяшь о нихъ съ моими чувспвованіями, и если прошедшее сосщавляетъ часшь насъ самихъ, шо прошедшее, подаренное ими, сосща-

вляешь лучшую, благороднѣйшую часть меня.

Часто, перелясь въ воспоминаніяхъ, я воскрешаю незабвенные вечера, проведенные мною у добраго Лелина; они представляются мнѣ, между многими обыкновенными днями жизни, прекрасными душистыми цвѣтами, на пущомъ и безконечномъ пространствѣ встрѣчаемыми; они дѣйствуютъ на сердце, какъ волшебный стихъ Бапюшкова между дюжинными Элегіями дюжинныхъ подражателей. Тутъ прошедшее дѣлается для меня очаровательною книгою, воспоминаніе — очами или способностію, посредствомъ кошорой я разбираю эту книгу; сколько нахожу въ ней прекраснаго! и я думаю: чѣмъ у кого подобная книга полнѣе, тѣмъ пошѣ жиль болѣе на свѣтѣ. Машемашиническая истина, впрочемъ, дѣлающая многихъ спольшнихъ шарцевъ юношами, младенцами. . . .

Но пора рассказать вамъ случай, кошорый свелъ меня съ Роммиспромъ; слушайте! — Я жиль у моего дяди, почтеннаго старика, опшавнаго Полковника; у него въ домѣ я выросъ, и онъ считалъ меня за сына. Всегда скромный, всегда добрый, дядя мой былъ надѣленъ пою пылкостию, кошорая опличаетъ истинно до-

брыхъ людей; проведя чепыре десятка лѣтъ въ войнахъ прошивъ Турокъ, Шведовъ и Французовъ, онъ привыкъ предпочипашь офицерскую палатку великолѣпному зданію, и пабачный дымъ всѣмъ куреніямъ, изобрѣшеннымъ смышленными Французами; пригошовляясь сорокъ лѣтъ умирать, онъ былъ чисшь совѣспію, и ожидалъ смерши, какъ госпя, давно обѣщавшаго посѣшпшь его нечаянно.

Домъ его, не заманивая суепливой знапности, приглашалъ привѣспливоспью хозяина своего спарыхъ служивыхъ. Часпо по вечерамъ добрые спарики, предводимые вдохновеніемъ моего дяди, пускались воспоминашь былое. Чуждые началъ новой Философш, незнакомые съ романспзмомъ, они воскрешали, осущеспвляли людей, давно уже несущеспвующихъ. Передъ ними опкрывалась какая-шо волшебная галлерей, гдѣ лица проходили одно за другимъ, сохранивъ всѣ привычки, всѣ поговорки, имъ свойспвенныя; на эпу сцену являлись всѣ славные мужи вѣка славной Государыни: ласковый Румянцовъ, шо какъ опважный воинъ, какъ хладнокровный вождь изображался въ день сраженія Кагульскаго; шо какъ любимый начальникъ у развода въ Яссахъ, или какъ мирный гражданинъ, въ

своемъ красивомъ Гомелѣ; храбрый и гордый Репнинъ переносилъ сцену въ далекій Царьградъ, гдѣ многіе изъ нихъ прожили прекрасные полгода прекрасныхъ дней своей юности; пылкій и опчаянный Вейсманъ, примѣръ паршизановъ настоящаго времени, приводилъ ихъ на раннюю могилу свою и извлекалъ слезы неподкупнаго участія. Историческій Суворовъ, великолѣпный Потемкинъ, ихъ современникъ глубокомысленный и хищный Кушуровъ, — это чистое золото нашей Военной Истории тогдашняго времени, сославляли какъ бы сообщество воспламененныхъ старцевъ! — И посреди ихъ, я, безпечный юноша, котораго не переспавалъ еще любоваться своимъ красивымъ нарядомъ: вошь полная картина бесѣды у моего дяди.

Но обѣды у дяди всегда были домашніе; однажды послѣ обѣда, вдвоемъ, я разговаривалъ съ спарикомъ; наконецъ взялся за шляпу. —

Ты опять ѣдешь? сказалъ онъ съ непріяннымъ видомъ. — Да, дядюшка, опрѣчалъ я, погода скверная, время, скучное, и я не въ такомъ расположеніи духа, чшобы ѣхать куда нибудь на вечеръ.

И шакъ, ты ѣдешь въ пеашрѣ?

Да, въ пеашрѣ хотя учишься. . .

Губишь драгоценное время, сорипь эпо непріобрѣтаемое вновь богатство въ бездонное озеро! прервалъ меня дядя. Клянись, продолжалъ онъ, ударивъ лѣвою рукою по сполу (правая оспалась подь спѣнами Рущука), молодые люди наспоющаго поколѣнія живущь шолько для себя! — Кто даль вамъ, господа, право, кто вложилъ въ васъ виновную мысль не шрудиться и бышь совершенно бесполезными обществу? беззабошно кружись въ вихрь свѣша? Не спорю, вамъ и нешрудно кружись: вы шакъ легки и въ нравшвенномъ и физическомъ опношеніи, что иногда, да просшипсь мнѣ мое согрѣшеніе, шонкая книжка какого нибудь нашего Журнала шяжеле васъ.

Но, дядюшка. . . .

Но, дорогой племянникъ, шы не должень, подобно другимъ, губишь свою молодосшь; какъ дядя, какъ попечитель швой, я обязанъ бышь шебѣ пушеводшелемъ въ жизни, направишь шебя на прямую шпешю, дашь въ запасъ на долгое штранспированіе совѣшь и насшавленіе. Послушай меня: въ наше время молодой человекъ думаль, что ему не всегда прійдется бышь Прапорщикомъ, а для шого чшпаль и чшпаль; повѣрь, что и безпрерывно занимадсь, шы будешь, можешь бышь, медленнѣе

подвигаться по лѣстницѣ образованія, чѣмъ по лѣстницѣ почестей, и развѣ, при невѣрояшныхъ прудахъ въ шомъ и другомъ, сохранишь равенство. Ты жалуешься на скучное время, на грустное расположеніе духа, ты чувствуешь нерасположеніе бышь въ обществѣ; — желаю, чшобы эпо соспояніе продолжилось; ошанься дома, возьми книгу: вошь лежишь Бушурлинъ, вошь первые шомы Испоріи Карамзина, вошь Жуковскій перваго чишай, какъ воинъ, вшораго — какъ Русскій, шрешьяго — какъ, человекъ имѣющій сердце. — Вошь бумага, вошь перо и чернила, — записывай, соображай, учись. . . .

Я ихъ чишаль, дядюшка. —

Нѣшь, не чишаль, а пробѣжалъ глазами; эпо не журнальная мелочь, копорюю ты за чашкою шоколада въ кандишерской Вольфа, можешь бышь лѣниво заняшь два, при, чешыре часа; эпо богатый, плодоносный садъ, въ кошоромъ каждый квадрапный фупъ блесшишь новымъ цвѣшнкомъ, всякая вѣшвь каждаяго дерева манишь къ себѣ новымъ прекраснымъ плодомъ; эпо роскошь дарованія, избышокъ мыслей, очарованіе, или, изьяснюсь лучше, ключъ, имѣющій свойство воспламеняшь спящія дарованія, окрияшь бездѣйственное вообра-

женіе, дарить человѣку благородное имя образованнаго. Это прямой путь приобрести познанія почныя, необходимыя и полезныя. . . .

Ну, что же, мой дорогой племянникъ, продолжалъ дядя понизивъ голосъ и подойдя ко мнѣ съ шюю опеческою ласкою, въ кошорой видно самоопшверженіе, безпредѣльная любовь и нѣжная заботливость, кошорую ни одинъ актеръ не изображалъ живо на театрѣ, и подъ кошорую напрасно спарались поддѣлываться корысполюбивые опекуны; — ушѣшишь ли ты спарика согласіемъ? восхишишь ли его исполненіемъ обѣщанія? — Два, при часа занятія въ день, въ шю время, когда ты имѣешь его шакъ много; я предлагаю тебѣ легкій прудъ, спасающій отъ шяжкаго, непрощительнаго убійства времени, и приносящій богатые проценты на шаконъ капиталъ, кошорый ты до сихъ поръ шрашилъ безъ размышленія. — Я далъ руку доброму дядѣ, съ намѣреніемъ, слѣдовалъ его совѣшамъ — и въ знакъ особеннаго удовольствія спарика, получилъ право располагать вечеромъ по своей волѣ. . .

Было около семи часовъ, карета уже стояла у подъзда — и я помчался въ театрѣ.

Описывать ли, послѣ Онѣгина, Петербургскій театръ и поведеніе въ немъ молодыхъ людей того времени? Карпина, представленная нашимъ Поэтомъ, шакъ вѣрна и написана шакими свѣжими красками, что подобная попышка дѣлаешся почти предосудительною. — Скажу, что наконецъ бѣдные актеры, допянувъ до конца 3-го распянушаго дѣйствія какой-то давно уже усопшей Комедіи, съ пріятными лицами раскланивались публикѣ, опустилась занавѣсъ, и всѣ находившіеся въ театръ въ мгновеніе ока раздѣлились на дѣйствующихъ и зрителей. Всѣ осматривали первые ярусы ложъ; по шамъ, по здѣсь мелькали счастливые личики и эти счастливые личики, сдѣлались фокусомъ зрѣнія. — Пропускаю около часу: Водевиль кончился, публика первыхъ рядовъ кресель — эшотъ грозный и рѣшительный судія паланшовъ драматическихъ Писателей и достоинства актеровъ, а болѣе актрисъ, шумѣлъ за вызовомъ своихъ любимцевъ и любимиць. Офицеры и поклонники моды во фракахъ, насвистывая водевильные куплеты, разсѣянно выходили въ коридоры, и убивши первую половину вечера, выдумывали средства съ шакою же удобностию прожить еще при часа. Между многими и

я очутился у подъезда. — Кареша Князя Надина! закричалъ жандармъ; — и прекрасная кареша ошпановилась у входа, — высокої лакей ошворялъ уже дверцы, и вдругъ, представъше себѣ, лошади испугались, бросились влѣво — кареша зацѣпила за ближній экипажъ, и въ эпомъ содомъ легко было искрошиться одному изъ колесъ. . . несчастья особеннаго не было, ибо никого не ушибло. . . Но — какое несчастье, маменька, вырвалось у прекрасной брюнетки, что дѣлать? досадный для другихъ случай былъ выгоденъ для меня: вы, безъ сомнѣнія, догадаешесь, что эта дѣвица была Княжна Надина, что я, какъ свѣшскій человекъ, предложилъ мою карешу, и какое счастье!.. предложеніе мое принято; обаятельная благодарность Князя и Княгини съ безмолвною признапельностью Княжны мечпались мнѣ во всю дорогу ошъ пешапра домой; надобно знашь вамъ, что я не былъ вовсе знакомъ съ Княземъ; онъ жилъ всегда въ Москвѣ, и только на время пріѣхалъ въ столицу, — будущее льстило мнѣ прекраснымъ знакомствомъ, а неожиданный случай наводилъ на это происшествіе что-то романическое, и увы! всѣ совѣшпы почтеннаго дяди, мое согласіе, швердое намѣреніе, какъ пороховой дымъ

Бородинскаго сраженія, разсѣялись легкимъ вѣсперкомъ.

На другой день дядя встрѣшилъ меня за чаемъ съ привѣтствіемъ и Темпельгофомъ; спарику казалось необходимымъ, чшобы я прежде прочелъ семилѣтнюю кампанію и познакомился съ Такшикою Фридриха Великаго. „Тогда, говорилъ онъ мнѣ, показывая на верхнія полки шкафа, перейдушь къ шебѣ всѣ шомы Жомини и новѣйшихъ военныхъ Писателей.“ Безконечные сіи шомы in folio изумили взоръ мой и воображеніе. „Ты будешь читашь ихъ, продолжалъ словоохотный спарикъ, и удивишься, встрѣчая вездѣ славные подвиги сыновъ Россіи, ихъ успѣхи быспрые и невѣрояшныя! Ты узнаешь, чшó сдѣлали дѣды наши въ войну семилѣтнюю, чшó превозмогли съ Румянцовымъ въ Валахіи, Молдавіи, за Дунаемъ; — какія чудеса спщы наши сошворили съ Суворовымъ въ Польшѣ, на равнинахъ Италіи и въ горахъ Альпійскихъ. . . . Не говорю уже о войнахъ Благословеннаго: шущь были дѣла не челоувѣческія! Одинъ изъ шѣхъ чрезвычайныхъ людей, кошорые шворяшъ эпохи въ Испоріи, кошорыхъ посылаешъ Провидѣніе для обновленія племенъ спарѣющагося челоувѣчешва, съ войскомъ для взора необьяш-

нымъ, числомъ безконечнымъ, упоеннымъ
 побѣдами, гордымъ и сильнымъ — счастіемъ
 и славою повелителя, перенесся чрезъ
 завѣшныя воды Нѣмана, и незнакомый звукъ
 враждебныхъ оружій раздался на мирныхъ
 пажиныхъ земледѣльцевъ Русскихъ. Ропотомъ
 заспирились воды Днѣпра, когда съ шумомъ
 пали древнія стѣны Смоленска, и поля
 Можайскія заспонали подъ гнѣпомъ полумилліона
 воиновъ, чуждыхъ и непріязненныхъ. Можно ли
 было ждашь успѣховъ при возрѣніи на пылающіе
 храмы Святыхъ Угодниковъ, при видѣ падающихъ
 дворцевъ Московскихъ? — и что же вышло изъ
 мудрости человѣческой? . . . Не попухло еще
 роковое зарево, а дружины Русскія спирали
 уже кровавый попь послѣ битвы Лейпцигской,
 на роскошныхъ поляхъ Саксоніи, — и пишомцы
 Дона поили и купали коней — поварищей въ
 струяхъ широкаго Рейна. Не чудно ли? . . .
 Не прощу солдата, пренебрегающаго Исторіею
 народовъ и Исторіею Военною; сіи познанія
 близко связаны между собою, ибо послѣдняя
 есть не что иное, какъ примѣненіе первой къ
 соспоянію война, есть полный Курсъ Философіи,
 понятный, основанный на опытахъ. Въ ней
 намѣреніе, средство, слѣдствіе — открыты,
 высказаны, ясны!“. . . .

Спарикъ говорилъ все подобное опъ души, слѣдственно говорилъ довольно краснорѣчиво; но вы можете себѣ представивъ, способенъ ли я былъ въ то мгновеніе понимать его! . . . Не смотря на происшедшее въ душѣ моей, я раскрылъ книгу, — опъ спарика не укрылось эшо дѣйствіе; онъ засвиспалъ Очаковскій маршъ, что дѣлалъ всегда въ веселомъ расположеніи духа, закурилъ трубку и пошелъ въ садъ.

Черезъ нѣсколько дней я познакомился съ Княземъ, и бывалъ въ его домѣ чаще и чаще. . . . Не пропускалъ ни одного изъ вечеровъ, часно даваемыхъ Княземъ, и пользовался, для доспихенія вниманія красавицы, всѣми способами, извѣспными молодымъ людямъ сполиты.

„Позвольте, Подполковникъ, сказалъ Вѣринъ: шакіе вечера я считаю лучшею выдумкою новаго времени; эшо прекрасное поле для инпригъ; они представляюшъ молодому человекъку безчисленные случаи, высказать обожаемой красавицѣ свои чувства.“

Мѣспами общими, хошите вы сказать, Капшпанъ, фразами извѣспными, надъ копорыми не нужно ломать головы, при копорыхъ не бешся сердце? — согласенъ;

согласенъ и на то, что многія невзыскашельныя богини принимаютъ, или хотяшь принимаютъ выученныя выраженія за рѣчь сердца, за языкъ спраши, какъ будто бы чувства могутъ бытъ переводимы гладко на свѣтскія фразы, какъ будто пламенная привязанность, безпредѣльная любовь къ прекрасной женщинѣ можетъ бытъ выражена жалкимъ языкомъ госпиныхъ; пусть явная несообразность: или чувства будутъ слишкомъ бѣдны, или языкъ, что совершенно ложно, весьма обилень. — Но молодая Княжна шанцовала со мною, съ холдноспію слушала меня, и опъ сердца смѣялась моей безразсудности. Воспитанная подъ надзоромъ просвѣщенной мамери, она соединяла съ образованноспію испинную любезность и знаніе свѣта; опъ того, въ ея обращеніи сохранялась ша привѣшливость, кошорая шакъ много нравилса въ дѣвицѣ; не оскорбляя никого невниманіемъ, она никого не радовала, не восхищала своимъ предпочпеніемъ. Я шребоваль, чтобы это равнодушіе оспалось вѣчнымъ, но забыль, что дѣвушка въ 18 лѣтъ въ нашемъ бѣдномъ мірѣ должна уже любить, должна избрать для себя душеводителя въ жизни, человекъ, кошорый бы замѣнилъ ей недоспашокъ радостей, раздѣлилъ бы бла-

женство бышя, и когда я замѣтилъ, что она уже любишь и любишь не меня, — по поклялся опмспить счастливицу. Огорченная любовь самолюбива, а молодость нескромна: въ кругу поварищей я призналъ себя обиженнымъ, объяснилъ все дѣло, и въ слѣдствіе ихъ совѣша, Роммиспръ Лелинъ, сынъ одного спараго сослуживца Князя, получилъ опъ меня вызовъ на дуэль.

Признаюсь, я не могъ спокойно спать; голова моя горѣла, мысли кружились, и за удовольствіе сдѣлашь непріяшность прошивнику, я заплашилъ безконечною ночью. На зарѣ я немного забылся; въ бреду, кошорый подслушалъ дядя, я пвердилъ о дуэли, о Княжнѣ, о Лелинѣ; добрый спарикъ по синтаксису разспавилъ подлежащія и сказуемая — и ипогъ объяснилъ, что онъ не долженъ былъ выпускашь меня изъ виду.

Къ счастью, Лелинъ, уважавшій моего дядю, увѣдомилъ его о происшедшемъ, и оканчивалъ записку увѣреніемъ, что онъ хочешь дашь шолько легкой урокъ въспреному и неоспорожному молодому человеку.

Въ пять часовъ вечера, по условію, я опсправился изъ дому въ назначенное мѣсто; секунданты уже дожидались меня; съ ними были писшолеры. Роммиспръ спо-

яль на мѣспѣ, и въ шо мгновеніе, въ копорое я приблизился, секунданшы опробовали кремни, зарядили пистолешы, и бросивъ жеребій объявили, что спрѣляшь доспалось Ропмиспру. Шаги смѣряли, и мы спали въ позицію.

„Позвольше,“ шакъ перерваль Ропмиспръ молчаніе, насъ окружавшее: „вы Гг. (продолжалъ онъ обращаясь къ офицерамъ) знаеше, что я не дурной охошникъ, и ели случай даль мнѣ право спрѣляшь первому, шо Поручику не прійдеши спрѣляшь въ свою очередь.“

Секунданшы просили слѣдовашь правиламъ чеспи и безпрекословно повиновашься законамъ поединковъ, говоря, что неумѣшныя разсужденія въ подобныхъ обспояпельстввахъ оскорбительны для самолюбія; я присовокупилъ, что не хочу приняшь предложенія, вынужденнаго великодушіемъ Ропмиспра.

„Такъ перемѣнише же, Поручикъ, вашъ лѣвый эполешъ,“ сказалъ Лелинъ; и пуля сорвала мой лѣвый эполешъ.

Какое-шо непріяшное чувствво — не спраха, не печали, не опчаянія, — нѣшь, какое-шо чувствво новое, неизьяснимо шяжкое, разлилось въ груди моей! Но шагъ былъ уже сдѣланъ, надобно было доканчи-

вапъ начашое; я взялъ писполешъ, взвель куроць. Еще мгновеніе — спускаю; но ударъ по рукѣ, сдѣланный въ то же время, далъ невѣрное направленіе пулѣ, и она прожужжала въ густыхъ листьяхъ близстоявшаго дерева.

Я оглянулся — и, предспавъше мое удивленіе, когда увидѣлъ спарика дядю. Онъ какъ грозное привидѣніе, споялъ за мною на мѣспѣ рапоборспва. — „Твой выспрѣлъ сдѣланъ,“ сказалъ онъ холодно: „шеперь, Г. Ропмиспръ, вы, какъ опличный спрѣлокъ, можете опсправить безрасуднаго вѣспрогона двадцашью годами ранѣ къ предкамъ, и не сдѣлаете никакого зла человѣчешву, лишивъ его одного изъ безумнѣйшихъ его спратій!“

„Теперь, Гг., позволъше объяснишь вамъ, продолжалъ спарикъ, обращаясь къ офицерамъ: наспоящую причину поединка, шу нессперпимую обиду, кошорая спребовала крови; вопъ она: человѣкъ, извѣспный службою, благородными посспупками и образованноспію, полюбилъ и любимъ дѣвицею, кошорой родиспели одобряющъ чувспва и выборъ; племянникъ видиспъ эшу дѣвушку, влюбляешся, слѣдиспъ ее, скучаешъ ей въ продолженіе двухъ мѣспяцевъ, наконецъ замѣчаешъ ея спредпочшеніе къ Роп-

миспру, и вызываешь его, ни за что, ни про что, на дуэль. — Вѣрно никому не будешь оскорбительно, если я прикажу племяннику просить прощенья у прошивника, имъ оскорбленнаго, или лучше, если я посовѣшую ему выпросить дружбу и расположение шакого человѣка, кошорый во всякомъ случаѣ можешь служишь ему примѣромъ.

Я видѣлъ всю несправедливоспъ моего поступка, согласился съ дядею и подошелъ къ Лелину. Поцѣлуй примиренія и пожатіе руки были для насъ началомъ всегдашняго дружества. Всѣ оспались довольны окончаніемъ. Приглашеніе дяди, распить нѣсколько бушылоек шампанскаго, принято съ удовольствіемъ; шолько Лелинъ оспказался: онъ спѣшилъ въ городъ успокоить Князя.

По возвращеніи въ городъ, я долженъ былъ выслушать оспъ дяди долгое разсужденіе о поединкахъ; а войдя въ спальню, нашелъ башаліонный приказъ, по кошорому на другой день былъ наряженъ дежурнымъ.

Скажу болѣе: Ропмиспръ Лелинъ—лице вымышленное; вашъ брапъ, Графъ, былъ моимъ прошивникомъ, и въ послѣдствіи

моимъ другомъ; въ его-то домѣ искалъ я чиспыхъ, лучшихъ радостей жизни.“

Офицеры, признашельные къ обращенію своего командира, и уважающіе его достоинства, окружили любимаго начальника, а Графъ Мирскій оперъ прекрасную слезу сердечнаго удовольствія.

Подали чай. Ванинъ, видя какую-то молчаливость въ обществѣ, взялъ гитару, наспроилъ ее, и запѣлъ любимую пѣсню шоварищей:

Друзья, друзья! крылатою мечшою
Мы облешимъ волшебство нашихъ съчь,
И оживимъ, хранимые судьбою,
Чѣмъ Русскій Богъ прославилъ Русскій мечъ.

На шоржищахъ дѣлеаго Сшамбула
Разсказь побѣдъ Россійскихъ не исчезъ;
Богъ съ нами былъ на берегахъ Кагула,
При Римникѣ Онъ славой насъ вознесъ.

Въ странѣ чудесъ, близъ нова Тразимена,
Вездѣ орелъ нашъ былъ непобѣдимъ;
Онъ сильны шамъ народы спасъ онъ плѣна
И онъ оковъ державный, славный Римъ.

Тамъ быспрые, какъ вихря, переходы,
Тамъ напшкъ войскъ, какъ водъ морскихъ на-
поръ;

За бшшвой бой прошивъ самой природы,
Суворовъ шамъ рѣшалъ народовъ споръ.

Но смолкло все — въ шиши собирались тучи,
 Вдругъ славою и счастьемъ упоёнъ,
 Какъ ураганъ ужасный и могучій —
 Въ свяшую Русь влещь Наполеонъ;

И кровь лилась, и брань опять кипѣла,
 И тѣшилась несытая война;
 Страна снѣговъ спонала и горѣла;
 Но Славяннѣ искалъ Бородина!

И кровью смылъ онъ вѣчныя обиды;
 Въ своихъ снѣгахъ онъ лавры оборвалъ,
 Что на чело, съ подножья пирамиды
 До Нѣмана, вождь Галловъ собиралъ.

Перенеслись съ Днѣпра за Рейнъ битвы;
 Нашъ штыкъ сверкнулъ у Тюльерійскихъ
 стѣнъ;

Услышаны народныя молитвы —
 И геній битвы съ престола низведенъ.

А между тѣмъ нашъ мечъ предъ Тегераномъ,
 И Русскій конь въ Араксъ воду пьшетъ;
 И удалой казакъ своимъ арканомъ
 Лезгинъ въ горахъ Кавказскихъ сшерезетъ.

А между тѣмъ, когда близъ Арараша
 Брань Русская мечемъ засѣчена,
 У береговъ отечества Сократа
 Мысль о Чесмѣ намъ вновь возвращена.

И вѣршяся, что къ башнямъ Византіи
 Мы, какъ Олегъ, прибьемъ державный щитъ,
 И Элинамъ, орелъ и мечъ Россіи
 За крестъ Христа спасенье подаримъ. —

Предъ Богомъ силъ, о брагья! въ прахъ главою.
 Онъ нашъ всегда среди кровавыхъ сѣчь;
 Къ Нему съ мольбой завѣшной и святою:
 О Русскій Богъ, храни Россіи мечъ!

Пѣсню окончилъ не одинъ Ванинъ: всѣ офицеры, воспламененные богапспвомъ чувствъ, пѣли съ нимъ. Говорилъ ли, что въ волшебномъ очарованіи души, въ пѣ мгновенія, когда мы сущеспвуемъ нравспвенно, когда въ чиспныхъ, ясныхъ, какъ безоблачное небо, помыслахъ оказываешся все благородспво человѣка, онъ дѣлаешся испиннымъ сыномъ опечеспва! Чиспатели поймушь соспояніе общеспва, кошорое я до сихъ поръ описывалъ, но кошорое шеперь принужденъ осшавилъ: ибо предспвлялш пламенное, святое чувство, кошорому мы даемъ названіе любви къ опечеспву, изображаеш сію возвышенную добродѣшель, можеш человѣкъ, владѣющій шаланшомъ необыкновеннымъ, въ избынкѣ шого восшорга, до кошораго я не достигаю въ сшаспливѣйшія минушы моего вдохновенія.

Было давно уже за полночь, когда Графъ проспился съ офицерами; деньщики внесли въ комнашу сѣна, разоспдали на немъ ковры, и положили сафьянныя подушки. Не знаю, какъ долго раншые шоварищи еще

бодрствовали: только известно, что когда на спарыхъ спѣнныхъ часахъ, купленныхъ бабушкою настоящаго владѣльца, прокричала кукушка при часа ночи, дружно спали они сномъ крѣпкимъ, подобно сподвижникамъ Пелидовымъ, въ ночь, послѣдовавшую за убіеніемъ Гекшора.

В. Карлгофъ. 1827.

II.

СТАТИСТИКА.

О П И С А Н І Е Г О Р О Д А К О Л Ъ , въ Р о с с і й с к о й Л а п л а н д і и .

(Продолженіе.)

Торговля и промышленность Колы процвѣпали наиболѣе въ половинѣ прошлаго столѣтія, во время опкуповъ Графа Шувалова. Въ Колѣ было тогда главное сборище морскихъ его промысловъ; и даже иностранные корабли (болѣе Французскіе) приходили шуда за ворваннымъ саломъ и шюленьими шкурами (*). И понынѣ вид-

(*) Въ 1758 году было въ Колѣ 7 иностранныхъ кораблей.

ны еще на полъ признаки салотопныхъ ямъ и другихъ заведеній. — По окончаніи опкуповъ Шувалова, многіе изъ Колянъ, лихась легкаго и выгоднаго сбыта своихъ промысловъ, перешли въ Архангельскъ, опъ чего населеніе и промышленость Кола значительнo уменьшились.

Въ 1780 году, при Вологодскомъ Намѣспникѣ Мельгуновѣ, Кола сдѣлана окружнымъ городомъ; а въ 1784 приписана къ Архангельской Губерніи. Мельгуновъ, желая увеличитъ населеніе Кола, исходатайспвовалъ, чшобы, сверхъ опправляемыхъ шуда на поселеніе, прибавлено было еще до 200 человекъ, изъ пробывшихъ уже въ шюрьмахъ срочное время. Средство сіе не доставило однако жъ предполагаемой пользы: споль значительное число плушовъ вскорѣ сдѣалось шягоспно для Колянъ, и они просили Правительспво избавитъ ихъ опъ новыхъ согражданъ.

Съ 1804 года переспали ссылашь въ Колу преспупниковъ на поселеніе; а въ 1826 году осшавалось ихъ шамъ шолько 12 человекъ. Они хопя находяшся подъ надзоромъ, но пользующся досшашочною свободою; дѣши же ихъ всшупающъ въ сословіе мѣщанъ, или приписывающся въ Лопарскіе погосшы.

Во время послѣдняго разрыва Россіи съ Англією, крейсероваль около Лапландскаго берега Англійскій военный шлюпъ, копорый причинилъ много вреда промышленникамъ нашимъ, разоряя заведенія въ ихъ спановищахъ (*). Шлюпъ сей, оспановясь за оспровомъ Кильдинымъ, предъ устьемъ Кольской губы, въ 80 верстахъ отъ города, послалъ въ Колу двѣ вооруженныя шлюпки, на коихъ было до 35 чел. мапроросовъ и солдатъ, подъ командою Лейшенанша. Гарнизонъ Колы состоялъ тогда только изъ 50 человекъ внутренней стражи, а на старинномъ укрѣпленіи около казенныхъ зданій, не было, какъ и теперь, ни одной пушки. Коляне, предувѣдомленные о приближеніи непріятеля, составили ополченіе изъ молодыхъ мѣщанъ и бѣжавшихъ отъ Англичанъ съ Лапландскаго берега поморскихъ промышленниковъ. Ополченіе сіе простиралось до 300 человекъ, и находилось подъ начальствомъ извѣснаго своею отважностію, Кольскаго купческа-

(*) Спановищами называютъ мѣста, удобныя для укрытія судовъ отъ бури; также и рыбацкія пристанища и жилища.

го, сына Машвѣя Герасимова (*). Городничій Г. В. . . , опасаясь упорствомъ раздражишь непріятеля, приказалъ Герасимову распустишь ополченіе. Посему Коляне принуждены были удалиться въ горы, и для безопасности унесли большую часть своего имущества. Въ городѣ же оспался только Городничій съ чиновниками и небольшимъ числомъ жителей. Англичане, подъѣзжая къ городу, сдѣлали нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ, и не встрѣпя никакого сопротивленія, вышли спокойно на берегъ, гдѣ арестовали Городничаго и всѣхъ чиновниковъ, и пошли обыскивать городъ. Они были споль неоспорожны, что оспавя шлюпки свои на мели, предались пьянству; но Городничій и въ сіе время не осмѣлился взять ихъ въ плѣнь.— Лейпенампъ, видя свое опасное положеніе, приказалъ небольшому числу шрезвыхъ подчиненныхъ, при помощи Русскихъ, спустить шлюпки на воду, и разбишь всѣ винныя бочки, хранящіяся въ магазинѣ; по-

(*) Сей самый Герасимовъ, будучи командиромъ купческаго судна, за годъ предъ тѣмъ взятъ былъ Англичанами въ плѣнь; но арестовавъ конвой, бывший на его суднѣ, возвратился въ Россію, за что награжденъ знакомъ ошличія ордена Св. Георгія.

тѣмъ приешупиль онъ къ вооруженію судовъ, принадлежащихъ Колянамъ, и нагрузивъ оныя мукою и солью, увель къ оспрову Кильдину. Посѣщеніе сіе стоило Колянамъ двухъ гальясовъ, одного брига и до 4-хъ лодей, не считая значительнаго количества муки, соли, вина и проч. И нынѣ не могушь они позабышь сего происшествія, которое многихъ изъ нихъ привело въ разореніе. — Большая часть рыбацкихъ спановищъ по Лапландскому (Мурманскому) берегу была разорена, и много судовъ попало въ руки непріятеля. — Впрочемъ, чрезъ дарованныя Колѣ преимущества, торговля сего края начинается нынѣ поправляясь.

Народонаселеніе города Колы въ 1826 году, состояло изъ 412 душъ мужескаго и 303 женскаго пола. Въ числѣ мужескаго пола неплащящихъ подати :

Духовнаго званія	3
Военно-служащихъ	70 (*)
Гражданскихъ чиновниковъ	12
При разныхъ должностяхъ	102

(*) Внутренней спражи 2 Поручика и 68 нижнихъ чиновъ,

Опспавныхъ	7
Поселенцевъ	12
Временно пребывающихъ . . .	36

Итого 242.

Плавающихъ подась:

Купецъ	1
Мъщань	169

Итого 170.

Мъщань города Колы можно раздѣлить на три класса, соразмѣрно ихъ досташку. — Жители Колы вообще добродушны, гостеприимны, довольно трудолюбивы и смѣшливы; но, къ сожалѣнію, нѣкоторые изъ нихъ, особенно нижній классъ, не весьма презваго поведенія: это главная причина ихъ бѣдности и зависимости ошь богатыхъ. Въ домашней жизни Коляне совершенно сходны съ обывателями города Архангельска: женщины упражняются въ хозяйствѣ и рукодѣліяхъ, приличныхъ ихъ полу; а мужчины исправляютъ всѣ тяжелыя работы и занимаются промыслами; но масперовыхъ между ними мало: въ Колѣ шолько одинъ кузнецъ и одинъ очень плохой столяръ. Въ плотничномъ дѣлѣ Коляне довольно искусны; дома и лодки свои спроятъ они сами, а иногда нани-

мають работниковъ изъ Поморцевъ (*). Для строенія лодей нѣшь у нихъ особенной верфи; но каждый хозяинъ, предпринявшій шаковую постройку, выбираеть удобное для сего мѣсто близъ своего дома. Суда сіи спрояся изъ сосноваго лѣса и по большой часи съ деревяннымъ скрѣпленіемъ. Грузу поднимають ошь 2 п. до 12 п. пудъ. Вооруженіе ихъ состоишь изъ прехъ мачшь одно-деревокъ, на коихъ поднимается по одному большому парусу. — Для управления лодьею пошребно ошь 5 до 15 человекъ. Жители Колы и Поморцы проворны и привычны къ морю. Плаваніе имѣють они большею часію близъ береговъ, и нерѣдко оно проспирается до Бергена. Единственнмъ пушеводителемъ ихъ ешь компась и собственная намяшь; искусные кормщики, при первомъ взглядѣ на берегъ, знаютъ уже, гдѣ они находяшся; но нерѣдко случается, что будучи ошнесены бурей ошь берега, лоды погибають, единственно ошь неудобнаго оныхъ вооруженія для плаванія по ошкры-

(*) Названіе сіе принадлежитъ собственно жителамъ югозападнаго берега Бѣлага моря, Онежскаго, Кемскаго и часи Кольскаго уѣзда.

тому морю: а пошому полезно было бы усвершенствовашь, какъ строение сихъ судовъ, шакъ и искусство кораблевожденія жипелей сего края. Жипели городовъ Архангельска и Мезени, для плаванія на Шпицбергенъ (что они называютъ *Грумманъ*) и на Новую Землю, упоиребляютъ шаковыя же лодіи, съ малымъ шолько усовершенствованіемъ въ вооруженіи.

Кольскій уѣздъ заключаешся между паралеллями широты 66° и 70° (*), и между меридіанами 30 и $41\frac{1}{2}^{\circ}$ долготы отъ Гринвича. Граничитъ къ сѣверу съ Океаномъ; къ востоку и юговостоку съ Бѣлымъ моремъ; къ югу съ Кемскимъ уѣздомъ, а къ западу съ Финляндією и Шведскою Лапландією (Финмаркеномъ). Длина сего уѣзда отъ в. къ з. простираешся до 650 , а ширина отъ ю. къ с. до 400 верстъ, въ окружности же 2800 верстъ. Пространство земли до $18\frac{1}{2}$ миліоновъ десятиинъ. Прежняя граница нашей и Шведской Лапландіи выходила къ Сѣверному Океану у мыса *Вересъ*; но въ 1826 году усшуплены Швеціи заливы Прорѣцкій, Навдемскій, Ровдинскій и проч., на разшояніе 50 верстъ

(*) Сѣверный мысъ полу-острова Рыбачьяго въ широтѣ $69^{\circ} 58'$.

къ востоку отъ мыса Вересь. Нынѣшняя граница идетъ по рѣкѣ Ворьемъ, и отъ оной на западъ къ рѣкѣ Пазъ, при коей стоишь древняя небольшая церковь Бориса и Глѣба, построенная Св. Трифономъ въ XVI столѣтїи. Нынѣ церковь сія пуста и посѣщается Кольскими Священниками единожды въ годъ. Тѣмъ же Угодникомъ основанъ былъ при губѣ Печенгъ монастырь Св. Троицы, копорый въ 1611 году разоренъ Шведами. Въ 20 версахъ выше онаго, по рѣкѣ Печенгъ, находящяся церковь, гдѣ почіюшь мощи сего Святаго, и куда ежегодно въ Маршъ собираются богомольцы изъ всей почши Лапландїи.

Югозападная часть сего уѣзда по берегу Бѣлаго моря, отъ села Кереди до Паноя, населена Русскими, копорые живутъ въ большихъ селахъ и деревняхъ; число сихъ селенїй 11, жителей въ оныхъ 1544 души. Въ южной части уѣзда находящяся двѣ Карельскія деревни, въ коихъ жителей 150 душъ. Прочее же пространство занимають Лопари, копорые имѣють зимнія селенія, называемыя *погостами*, близъ озера, внутри Лапландїи лежащихъ, а на льдо выходящъ къ берегамъ моря. Лопари, занимающіе восточный берегъ Лапландїи, около Бѣлаго моря называются *Терскою*

Лопью, равно какъ и самый берегъ Терскимъ именуется. Число Терскихъ Лопарей простирается до 150 душъ. Они живутъ малыми селеніями и приписаны къ селу Поною. Прочихъ Лопарей, живущихъ по Океанскому или *Мурманскому* берегу (*), называютъ по имени ихъ погосповъ. Число сихъ погосповъ въ сѣверной и западной части Лапландіи 13; жилищей въ оныхъ 488 душъ. Все же населеніе уѣзда состоить изъ 2332 душъ мужескаго пола.

Погоспы Лопарей состоятъ большею частию изъ вѣжъ, а нѣкоторыя имѣютъ небольшія бѣлыя избы. *Вѣжи* суть коническіе шалаши, составленные изъ жердей и покрытые дерномъ. Обыкновенная величина ихъ въ основаніи по діаметру 6 и 7 арш., высота около 3½ аршинъ. Среди вѣжи положена гряда каменьевъ, на коей зимою непрерывно горитъ огонь; вверху сдѣлано опверзшіе для дыма, а съ боку небольшія дверцы. Убранство вѣжи состоить изъ хвороста, наспланнаго на землю и покрытаго оленьими шкурами, копорыя служатъ вмѣсто постелей. Въ противоположенной отъ дверей сторонѣ

(*) Берегъ отъ устья Бѣлаго моря до границъ Норвегіи, называется Мурманскимъ.

споить образъ, надъ ушапомъ съ водою; мѣсно сіе называется *гистымъ*; шуда бросають коси послѣ ѣды, и сливають помои, и никшо не смѣють всшупишь въ сіе *гистое* мѣсно. Во всякомъ Лопарскомъ селеніи, вмѣсто церкви, естъ часовня опъ чего и селенія сіи получили названіе погосповъ. Лопари всѣ Греко - Россійскаго исповѣданія, строго соблюдають посты и прочіе обряды Религіи, хошя Священниковъ видяшь очень рѣдко. Кольскіе Священники объѣзжаютъ Лопарскіе погоспы шолько два или три раза въ годъ. Впрочемъ у Лопарей оспались еще и нѣкошорые идолопоклонническіе обряды.

Лопари вообще смирны и *кажутся* проспы; однако нельзя скрышь, что они упрямы и довольно лѣнны. Къ крѣпкимъ напшкамъ шакже приспращны, но шабаку не любяшь. Нарѣчіе ихъ походило на Финское, однако же всѣ они говоряшь и по - Русски. Одежду мужчинъ зимою составляють: *пегокъ*, шипый изъ оленьей шкуры на манеръ рубашки, шершью наружу; изъ оленьей же шкуры сапоги и исподнее плашье вмѣспъ, называемые *лры*; (рукавицы) *кайбенки* и суконная шапка, подбишяя пушинымъ мѣхомъ. Лѣшомъ, вмѣсно печка, носяшь шакого же покроя су-

конную югу и шерстяной колпакъ. Они упопреляють шакже и бѣлье, коего Норвежскіе Лопари не имѣють. Женщины одѣваюцца лѣпомъ въ сарафаны, а зимою носятъ шакже печокъ. Для ѣзды на оленяхъ упопреляють небольшія сани наподобіе лодочки (*керезжа*), къ передней часни коей привязывается ремень (*снасть*), проходящій между ногъ оленя къ ошейнику, родъ хомуца, называемаго *кесось*; къ рогамъ оленя привязывается другой ремень (*игна*), служащій вмѣсто вожжи. Въ керезжку запрягается обыкновенно одинъ олень, и садятся полько одинъ человекъ, или номѣщаются клади до 5 пудъ. Если нѣсколько керезжекъ ѣдутъ вмѣстѣ, то въ порядкѣ слѣдуешь одна за другою, и проводникъ управляетъ передовымъ оленемъ. Таковой обозъ называется *райдою*, а проводникъ *райдиномъ*. При лучшихъ обспояпельствахъ олень пробѣгаетъ ошъ 8 до 10 верствъ въ часъ.

Упражненіе Лопарей, во время жишельства въ зимнихъ погоспахъ, состоить въ ловлѣ озерной рыбы, дѣланіи лодокъ и керезжекъ, и ошчасни въ промыслѣ пушныхъ звѣрей; а женщины прядутъ шерсть, шкутъ сукно, шьютъ плащье и для продажи перинники изъ оленьей кожи, кошо-

рую выдѣлываютъ на манеръ лайки, и раскрашиваютъ ольховою корою. Въ семь дѣлъ особенно искусны Терскіе Лопари. Лѣшомъ же всѣ, кромѣ двухъ погосновъ ю. з. части Лапландіи, занимаются ловлею семги и шрески.

Климашь города Колы, какъ и всей Лапландіи, судя по географическому его положенію, довольно умѣренъ. Зима шамъ не суровѣе Архангельской; весна и осень довольно постоянны, а лѣшо хоща и непродолжительно, но бываетъ днями довольно теплое. Солнце, не заходя подѣ горизонтъ слишкомъ 50 дней, нагрѣваетъ каменьа до шого, чшо въ шѣни бываетъ выше 25° по Реомюру, между шѣмъ какъ въ нѣкопоромъ опдаленіи опъ берега въ морѣ, едва 6° тепла. Изъ сообщенныхъ мнѣ опъ купца Попова и Почшъ-Экспедишора Крюкова метеорологическихъ замѣчаній слишкомъ за 25 лѣшъ видно, чшо въ Колѣ обыкновенно снѣгъ начинаешъ шаяшъ въ началѣ Апрѣля, рѣки расходяшся около 1 Мая, лисшья на деревьяхъ распускаюшся съ половины шого же мѣсяца, и шогда же Кольская губа очищается опъ носящатося по ней льда. Въ Августѣ деревья шеряюшъ лисшья, въ исходѣ Сеншября выпадаешъ снѣгъ и замерзаюшъ малыя рѣчки; Тулома

же и Кола покрываются льдомъ не ранѣе половины Октябрю; и тогда начинаеть уже уснанавливаться зимній пушь. Солнце не восходитъ на горизонтъ съ 19 Ноября по 1 Генваря; въ продолженіе сего времени освѣщается оный около полудня зарею, а въ ночные часы луною, или сѣверными сіяніями, копорыя случаются тогда почти ежедневно, и проспирають лучи свои до зеница.

(Продолженіе впрѣдъ).

III.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ.

Исторія Греческой войны.

(Продолженіе.)

Убийство продолжалось на оспровѣ семь дней, и никто не былъ пощаженъ, кромѣ прекраснѣйшихъ женщинъ и дѣшей, сохраненныхъ для продажи. Болѣе 10,000 женщинъ и дѣшей согнано было въ городъ, и изъ числа послѣднихъ, мальчиковъ пошчасъ обрѣзали, чшобъ сдѣлать Мусульманами. Капишанъ-Паша велѣлъ повѣсиль на реяхъ своего корабля 80 заложниковъ, взятыхъ изъ почешнѣйшихъ и спарѣйшихъ

мужей оспрова. Изъ 80,000 жителей оспрова, 20,000 были умерщвлены, 20,000 увезены въ неволю, 15,000 убѣжали на сосѣдственные оспрова, а остальные скрылись въ горахъ, нѣкоторые же спрятались въ домахъ Европейскихъ Консуловъ, въ которыхъ надѣялись найти спасеніе отъ Турокъ.

Чудовище, лично совершившее всѣ сіи ужасы, Турецкій Капипанъ - Паша, вскорѣ получилъ справедливое и навѣки достопамятное возмездіе. У Хіоса появился Греческій флотъ, принялъ на корабли тысячи укрывавшихся въ горахъ бѣглецовъ, изъ которыхъ многіе нашли себѣ послѣ того убѣжище въ Америкѣ, и возвратился попомъ для нападенія на Турецкую морскую силу, находившуюся въ проливѣ между Хіосомъ и берегомъ. Но какъ онъ не могъ отважиться на открытое общее сраженіе, то герой Канари принялъ на себя исполнить долгъ мстителя. Въсплѣ съ однимъ Идріотскимъ кораблемъ поплылъ онъ на своемъ брандерѣ въ Хіосскій проливъ. Онъ обманулъ спорожевые корабли, и съ насупленіемъ ночи поплылъ прямо въ проливъ, гдѣ стоялъ Турецкій флотъ. Когда хотѣлъ уже онъ войти въ морской заливъ, Капипанъ Идріотскаго корабля сплалъ просить, чтобы

онъ оставилъ свое предпріятіе, ибо если продолжился шопъ же въперъ и его покушеніе не удастся, то имъ не миновать погибели. Канари успѣлъ убѣдить оснорожнаго мореходца, что въперъ перемѣнися. Тогда экипажъ его пришелъ въ смяшеніе: они шли все далѣе въ заливъ, въперъ дулъ имъ въ шылъ, а цѣлый рядъ Турецкихъ линійныхъ кораблей, замѣсныхъ по фонарямъ, разсѣяннмъ въ заливѣ, споялъ передъ ними. Мапросы зашумѣли и не хошѣли плышь далѣе. Канари сказалъ имъ: „вы пошли добровольно; корабль пойдешъ далѣе, и вы съ нимъ, или перекину васъ черезъ боршъ.“

Прежде всего распознали они нѣсколько Турецкихъ фрегатовъ; но это казалось слишкомъ малою добычею. Канари шель ошмешншь за Хіосскую кровь, и шолько кровь предводилшеля варваровъ могла примиришь его. Луна свѣшила ясно; Канари былъ уже посреди Турецкаго флота, которій, не предполагая опасности, споялъ на якорѣ. На другой споронѣ залива можно уже было различить Адмиральскій корабль Капшана-Паши. Канари перемѣнилъ свое направленіе и поплылъ прямо на него. „Прочь! прочь!“ закричала Турецкая стража. Но брандеръ все шель впередъ, и

наконецъ дикіе крики: брүлошпа! брүлошпа! дали знашь Канари, чпо онъ узнанъ. Сей крикъ ужаса разбудиль спящихъ Турокъ, и сошнями выбѣгали они въ суматохѣ на палубу. Уже начали они стрѣляшь; но грозный корабль все съ большею скоростію къ нимъ приближался. Всѣ люди Канари лежали за бортомъ; онъ одинъ споялъ прямо, и швердый въ ужасномъ своемъ намѣреніи, правилъ свое судно прямо къ кораблю Капишана - Паши, не взирая на лешающія вкругъ него пули. Черезъ нѣсколько минушь судно съ ужаснымъ прескомъ полкнулось въ бокъ Адмиральскаго корабля, и прицѣпилось къ нему. Топчасъ спустили боть, всѣ Греческіе машрозы прыгнули въ него, Канари послѣдній, и шогда уже, какъ зажегъ брандерь, воскликнулъ самъ: „эпо Канари!“ Послѣ сего опшполкнулись. Когда огонь достигъ горючихъ веществъ, шопчасъ вспыхнуло яркое пламя и охватило Турецкій корабль. Тогда послѣдовало позорище ужаса и замѣшательства между 1,200 человеками на кораблѣ, которое легче предсавишь себѣ, нежели описавъ. На палубѣ, слишкомъ загруженной, нельзя было ничего сдѣлавъ, чшобъ раздѣлишь корабли. Приказаній нельзя было разслушивавъ, а слыша, нельзя было исполнавъ, и Греки,

въ эпохъ дикой превогъ голосовъ, могли полько различать опчаянные крики шѣхъ, копорые бросались черезъ боршъ. Паруса, канашы, все было объято пламенемъ, и огонь падалъ по всей палубѣ; спали спускашъ бошы, но они или пошчасъ опрокидывались или понули опъ множества бросающагося въ нихъ народа. Капишану-Пашѣ и его офицерамъ удалось однако сѣспъ въ *пинассу*; обрубая саблями руки пловцевъ, хватающихся за боршъ, опплыли они опъ корабля: какъ вдругъ его грошмачша повалилась, упала на ихъ бошъ и разомъ попопила всѣхъ, въ немъ находившихся. Идріюшскій брандеръ прицѣпился къ Турецкому 74-хъ-пушечному кораблю и былъ зажжень, но, къ сожалѣнію, опцѣпился и не причинилъ никакого вреда. Оба боша, каждый съ 20 гребцами, быспро поплыли по проливу, ярко освѣщенному пылающимъ кораблемъ; на разсвѣшъ дня доспигли они мыса Бланко, а въ 10 часовъ подѣхали къ двумъ Греческимъ кораблямъ, для нихъ крейсировавшимъ, и взошли на боршъ, не поперявъ ни одного челошъка. Блиспашельное исполненіе сего смѣлаго подвига основало славу Канари, и каждый Элинь гордился его именемъ, кромѣ самого Канари. Никшо не угадалъ бы харакше-

ра Канари по его наружности. Ему около 34 лѣтъ онъ роду; онъ невысокаго роста, худощавъ, но сложенъ, и на его крошечномъ, привлекательномъ лицѣ показывается болѣе женское добросердечіе, нежели то, чѣмъ онъ дѣйствительно обладаетъ — душа, незнающая страха. Онъ напоминаетъ о Куперовомъ Редъ Роверѣ. Къ опасности онъ нечувствителенъ, и его рѣшимость, легко измѣняемая убѣжденіемъ, дѣлается неколебимою онъ явнаго сопротивленія; новыя препятствія суть для него новыя побужденія. Онъ любитъ свое опечесство чиссердечною, нехвастливою любовью патриота, и всегда спокойно подвергается каждому усилію ко благу его, въ увѣренности, что исполняетъ свою обязанность. Онъ не хвалится дѣлами, копорыхъ неисполненіе казалось бы ему пресупленіемъ, и, по видимому, не стремится ни къ какой иной наградѣ, кромѣ убѣжденія, что способствовалъ существенно къ освобожденію своего опечесства. Вопъ каковы люди, копорыхъ даже умнѣйшіе мужи въ западной Европѣ называлось переродившимися!

Юня 21 сдался Акрополисъ Аѳинскій, послѣ ревностной осады Эллиновъ. Гарнизонъ, сославлявшій до 1100 человекъ, за-

ключиль капишуляцію съ условіемъ, чпобы опсправиль его въ Малую Азію. Подъ предлогомъ возмездія за жестокоспи, оказанныя прежде шого Аѣинскимъ заложникамъ, кошорыхъ повѣсили на валахъ Акрополиса, убины были на другой день нѣкошорые изъ плѣнныхъ.

Въ Іюнѣ же мѣсяцѣ принуждена была просиль капишуляціи важная въ Греціи крѣпосшь, Наполи ди Романія, самою природою, а еще болѣе укрѣпленіями Венеціань почти неприсшупно усшроенная. Допущена была 40-дневная опсрочка для очищенія и передачи мѣста, съ человеклоубивымъ намѣреніемъ, опсврашишь постпепеннымъ удаленіемъ грабежь имущесшва и убійсшво гарнизона. Въ продолженіе сихъ 40 дней всшупило ужасное 30-штысячное войско, подъ начальсшвомъ Мехмеда-Паши Драмасскаго (обыкновенно называемаго Драми Али-Паша), безъ всякаго преняшвія въ Фокею и Беопію, и на пупи своемъ совершало неисповсшва, кошорыя неслыханны даже въ лѣшописяхъ Турецкихъ войскъ. Драми-Паша, кошорый опусшошеніями обозначиль пущь свой, и кошораго опшь спраха или предашельсшва пропустили чрезъ многочисленныя шѣснины, коими надлежало ему проходитьъ, досшигъ рав-

нинь Аргосскихъ, и привель въ ужась Наполи.

Угрожающая гибель показала Грекамъ всю опасносшь ихъ положенія. Члены Правительсства перебрались на Идриотскіе корабли, спогявшіе въ заливъ. Соспавлена была Военная Коммиссія изъ Ипсиланши, Колокопрони и Мавромихали, съ неограниченнымъ полномочіемъ. Народъ былъ призванъ къ оружію; Майношы повиновались голосу ихъ спараго предводителя, сошли съ горъ, и на корнѣ испребили весь хлѣбъ по равнинѣ Аргосской, чшобъ непріатель не нашель себѣ пици. Турецкій полководецъ вскорѣ приведенъ былъ въ запрудненіе числомъ собсшвенныхъ войскъ своихъ; съ одной спороны шревожили его непрерывныя ночныя набѣги, а съ другой недоспашокъ припасовъ для собсшвеннаго своего войска и для гарнизона, кошорый надлежало ему освободитъ ошъ осады. Незрѣлый виноградъ и арбузы на сосѣдсшвенныхъ поляхъ были пожираемы Турками, а ошъ шого спшали свирѣпсшвовашъ между ними повальныя болѣзни. Чрезъ нѣскольکو недѣль пришли они въ самое ошчаянное положеніе, и начали ошспушашъ. Греки, между шѣмъ, не шолько успокоились ошъ своего даническаго спраха, но

изъ бѣдствій непріятеля почерпнули новую къ себѣ довѣренность. Никиша засѣлъ въ проходахъ Барбаши и Дервенаки, при окончаніи равнины Аргосской, а съ боковъ и съ пылу напиралъ на Турецкое войско Колокошрони. Опъ пяпи до семи тысячъ Турокъ пало при минованіи шѣхъ проходовъ. Въ каждой шѣснинѣ ожидала ихъ та же участь, и Драми-Али привелъ съ собою только 8000 человекъ изъ сего несчастнаго похода. Онъ получилъ однако опъ Сераскира Куршида новое повелѣніе, ишпи съ ними въ Аргосскую равнину, и освободилъ Наполи. Онъ сдѣлалъ опашь покушеніе; но непреоборимый Никиша все еще находился въ засадѣ, и Драми Али, пошерявъ еще 1000 человекъ, долженъ былъ снова возвратиться въ Коринѣ. 3000 человекъ изъ его войска, хошѣвшіе пройти изъ Коринѣа въ Пашрасъ, были встрѣчены Лондосомъ въ одной дефилеѣ, и принуждены имъ къ капишуляціи, на условіи возвратиться въ Фессалию.

Турецкому гарнизону въ Наполи оставалась единственная надежда — освободиться посредствомъ высадки на флешъ. Дѣйствительно явился въ заливъ 20 Сентября сильный флешъ съ новымъ Капшанъ-Пашею. Греческая эскадра спала пре-

вожись его со всѣхъ споронь, и нѣсколь-
 ко разъ покушалась сжечь своими бранде-
 рами нѣкошорые корабли. Хопя не доспи-
 гла она сей цѣли, но за всѣмъ шѣмъ Ту-
 рецкїй Адмираль съ паническимъ спрахомъ
 бѣжалъ опъ сихъ опасныхъ водъ, и скрыл-
 ся за Тенедосомъ. Ужасный Канари пре-
 слѣдовалъ его съ двумя брандерами. Въ пол-
 ночь 21-го миноваль онъ Турецкіе спороже-
 вые корабли, кошорые хопя не замѣнили
 его пошчасъ, но вскорѣ распустили парус-
 са и погнались за нимъ. Не забопясь о
 шомъ, плылъ онъ все далѣе къ Турецкому
 флоту, споявшему на якоряхъ въ каналѣ и,
 заключавшемуся въ одномъ линѣйномъ ко-
 раблѣ, 16 фрегатахъ, 16 корветшахъ и 34
 небольшихъ судахъ. Онъ правилъ къ премь
 самымъ большимъ кораблямъ, миноваль
 одинъ съ навѣтренной спороны шакъ близ-
 ко, что могъ слышашъ голоса на боршѣ
 онаго; однако не прикоснулся къ нему, а
 обратился къ ближайшему, Адмиральскому
 кораблю Капишана-Паши. Когда онъ при-
 ближался, выпалили двѣ пушки, и ядро про-
 лезлѣо чрезъ его большой парусъ; но сіе
 не оспановило его; онъ слышаль крики съ
 кормы корабля, наполненной людьми: „мор-
 скіе разбойники! брюлопша! спрѣляйше!“
 и все шель впередъ. Чрезъ нѣсколько ми-

нупъ запрещалъ его бугшпришь, и оба корабля сполкнулись шакъ сильно, чшо всѣ люди попадали. Канари зажегъ, какъ обыкновенно, фишиль, и послѣдній оставилъ свое судно. Въ мигъ пламя объяло Адмиральскій корабль. Спаслись шолько самъ Капишанъ-Паша и люди, сѣвшіе съ нимъ на бошь. Не дѣлали даже никакого покушенія попушишь огонь; испуганные Турки всѣ погибли на самомъ кораблѣ или пошонули, бросаясь въ воду. Другой брандеръ успѣлъ шолько обратишь въ спремишельное бѣгство непріяшеля, и Турецкій флотъ, много поспрадавъ еще ошъ бури, возвратился въ Конспаншинополь.

Лишась пособія, ожидааннаго ошъ флота, гарнизонъ вскорѣ принужденъ былъ къ сдачѣ. Она особенно ускорена была храбрымъ Капишаномъ Спаико, кошорый ночью взобрался на верхній замокъ, называемый Паламиди. Гарнизонъ, подвергаясь шакимъ образомъ башарейному огню ципадеди, нашелся въ необходимости сдатьсь, съ шѣмъ шолько условіемъ, чшобъ ему даровали жизнь. Сіе условіе было ненарушимо исполнено, и гарнизонъ опправили на Камбрианъ, съ Капишаномъ Майцландомъ, и на другихъ корабляхъ, въ Малую Азію.

(Продолженіе впредь.)

IV.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

МИРТЬ И ЛАВРЬ.

Подъ шѣнью явора густой —
 Питомецъ Музъ, природой восхищенный,
 Передаешь цѣвницѣ золошой
 Свой голосъ, богомъ вдохновенный.
 И пѣснь безсмертнаго — какъ Ипокрены шокъ!
 И пѣсни той — окрестность вся внимаешь. . .
 Но счастья сынъ о лаврѣ не мечтаетъ:
 Ему сплеленъ изъ миршъ Харитами вѣнокъ.

*

А шамъ, за древними холмами,
 Роскошный лавръ раскинулся вѣшвами. —
 Подъ нимъ — невѣдомый пришлецъ
 Насвистываетъ пѣснь нескладную, простую;
 И мыслишь, что главу его, безвременно съдую —
 Украсишь въ жизни сей безсмертія вѣнецъ. —
 Вошце! — Какъ эхо, умираешь
 Его цѣвницы дикій свистъ . . .
 Лишь на чело бездарное — ошъ вѣстру упадаешь
 Поблекшій лавра листъ.

*

О Бавій, пересмань! Все знаютъ ты не
 въ правѣ
 Лавроваго вѣнка ошъ Грацій ожидашь!
 Удѣлъ швой — въ мірѣ семъ — вздыхашъ
 И день и ночь о славъ.

Николай Лутковскій.

СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИКА.

ОБЗРѢНІЕ НОВѢЙШИХЪ ПРОИСШЕСТВІЙ.

А н г л і я.

Въ засѣданіи Нижней Палаты 5-го Марша, подано нѣсколько прошеній касательно бѣдственнаго положенія земледѣльцевъ. Полковникъ Вильсонъ описалъ оное самыми мрачными красками, и сильно напалъ на Министерство, такъ, что ораторъ нѣсколько разъ напоминалъ ему, чтобъ онъ не выходилъ изъ предѣловъ. Лордъ Альшорпъ подалъ также прошеніе о бѣдственномъ положеніи Государства, и далъ почувствовать, что Министерство должно уменьшить государственные расходы, чтобы понизить налоги гораздо болѣе, нежели оно предполагаетъ; онъ объявилъ, что всѣ его соварищи одного съ нимъ мнѣнія, и не уступятъ ничего, чтобы принудить Министерство къ соблюденію бережливости.

Въ 1829 году, для торговли Англіи употреблены были 25,366 кораблей со 193,000 человекъ экипажа; 996 судовъ претерпѣли кораблекрушеніе, а 938 понесли болѣе или менѣе значительныя поврежденія; изъ экипажей погибло до 2000 человекъ.

Принцъ Леопольдъ, Владѣтельный Князь Греціи, предшавлялся 8-го числа Королю, чтобы простишься съ Е. В. Онъ не беретъ съ собою въ Грецію войскъ, какъ сказано было въ нѣкоторыхъ

газетахъ. Въ Морѣ останется около 2000 человекъ Французскихъ войскъ. Финансовыя дѣла еще не кончены; извѣстно однако же, что суммы, которыя получишь Князь, не будутъ служить ручательствомъ за прежніе Греческіе займы.

Леди Августа Амеландъ скончалась 5-го Марта; въ Апрѣль 1793 года, она обвиняна была въ Римѣ съ Герцогомъ Суссекскимъ, и обрядъ вѣнчанія позоренъ былъ потомъ въ Лондонѣ въ Декабрѣ мѣсяцѣ, но въ Августѣ слѣдующаго года объявленъ не дѣйствительнымъ по приговору суда. Леди Августа была дочь Джона Муррая, четвертаго Графа Дунморскаго; но въ 1806 году, она, съ позволенія Короля, приняла прозваніе Амеландъ, въ уваженіе происхожденія ея отъ сей древней фамиліи.

— Въ *Allgem. Zeitung* напечатано слѣдующее извлеченіе изъ составленнаго въ Лондонѣ Положенія Министровъ посредническихъ Державъ о будущей участи Греціи. Во введеніи сказано, что Англійскій Министръ предъявилъ депешу, при коей акредитованные въ Константинополь Послы Англійскій и Французскій препроводили отношеніе Порты, отъ 9-го Сентября пр. г., содержащее въ себѣ объявленіе, что Порта соглашается на принятіе Лондонскаго договора, обѣщаясь одобрить всѣ распоряженія, кои Лондонская конференція сдѣлаетъ къ исполненію онаго. Въ слѣдствіе сего положили немедленно приступить къ убѣжденію Турокъ и Грековъ прекратить непріятельскія дѣйствія. Инструкціи по сему предмету положено препроводить къ Посланникамъ при Оштоманской Портѣ, къ пребывающимъ въ Греціи Резиденшамъ и

къ Адмираламъ Союзныхъ Державъ. Засимъ, постановлено слѣдующее: 1) Греція должна составлять независимое Государство, имѣющее всѣ сопряженныя съ совершенною самостоятельностью, политическія, правительственныя и торговыя права. 2) Опредѣленіе границъ есть слѣдующее: Сѣверная граница идетъ отъ устья рѣки Аспропошама, вверхъ по оной до высоты озера Анжело - Каспро, пересѣкаетъ оное, равно какъ и озера Врахорское и Савровицкое, и простирается до горы Арполины, а оттуда слѣдуетъ по гребню горы Аксосо, по долину Калури и по гребню горы Эпы, до Зейшунскаго залива, коего достигаешь при устьѣ рѣки Сперхія. Всѣ земли, лежащія къ югу отъ сей линіи, принадлежатъ Греціи, а находящіяся къ сѣверу остающіяся во владѣніи Опшоманской Имперіи. Сверхъ того должны принадлежатъ къ Греціи: весь островъ Негропоннъ съ островами Діавола; островъ Скиро и острова, извѣстные въ древности подъ именемъ Цикладскихъ, лежащіе между 36 и 39° сѣв. широты, и 26 и 29 вост. долготы по Гринвичскому меридіану. 3) Правительство должно быть монархическое, наследственное, по праву первородства. Властитель не долженъ принадлежатъ къ царствующему Дому Державъ, подписавшихъ протекцію отъ 6-го Іюля. Титулъ его: Владѣтельный (или Государственный) Князь Греческій. 4) Коль скоро опредѣленія настоящаго Положенія доведены будутъ до свѣдѣнія Державъ, конъ оныя касаются, миръ между Турціею и Греціею будетъ считаться возобновленнымъ на дѣль. 5) Порша и Греческое Правительство объявятъ полное всепрощеніе. Порша поста-

новитъ по сему предмету, чтобы внутри владѣній
 ся, никакой Грекъ не былъ подвергнутъ казни или
 лишенію имущества, за участіе въ Греческомъ воз-
 станіи. Таковыя же правила обнародуетъ Греческое
 Правительство, касательно Мусульманъ и Христи-
 анъ, сражавшихся противъ Греціи, съ присовоку-
 пленіемъ къ сему, что Мусульмане, желающіе оста-
 ваться въ Греческихъ владѣніяхъ, будутъ пользо-
 ваться въ оныхъ, съ своими семействами, совер-
 шенною безопасностію. 6) Порта предоставляетъ
 Грекамъ, желающимъ оставить Турецкія владѣнія,
 одинъ годъ сроку, для продажи ихъ имѣнія и сво-
 боднаго выезда. Сіе же право предоставляетъ Греческое
 Правительство шѣмъ обитателямъ Греціи,
 кои намѣрены водвориться на Турецкой землѣ. 7)
 Греческія сухопутныя и морскія войска немедленно
 оставляютъ занимаемыя оными мѣста, лежащія
 внѣ опредѣленныхъ новому Государству границъ;
 но же исполняютъ Турецкія войска въ отношеніи
 къ владѣніямъ Греческимъ. 8) Державы предостав-
 ляютъ себѣ и впредь, опредѣленное въ 6 артикулѣ
 практша ошъ 1-го Юля 1827, ручательство въ
 исполненіи настоящихъ постановленій, и ни одна
 изъ посредничающихъ Державъ не въ правѣ по-
 сласть въ какую-либо Греческую обласъ военную
 силу безъ согласія прочихъ. 9) Въ отвращеніе спо-
 ровъ, размежеваніе границъ возлагается не на Греческихъ
 Коммисаровъ, но на состоящую изъ 3 Чле-
 новъ Коммисію, въ копорую каждая Держава назна-
 чаетъ по одному Члену. Сія Коммисія должна дѣй-
 ствоватъ съ величайшею точностію, и обязана со-
 спавитъ двѣ карты границъ, одну для Греческаго

Правительства, а другую для Турецкаго. Сіе дѣло надлежитъ окончить въ теченіе 6 мѣсяцевъ. Въ случаѣ разногласія Коммисаровъ, рѣшается большинствомъ голосовъ. 10) Содержаніе настоящаго Положенія немедленно будетъ объявлено Портѣ и Греческому Правительству; изъ онаго надлежитъ составить торжественный договоръ, и подписать въ Лондонѣ, къ исполненію пракаша 6-го Іюля 1827. Прочія Державы будутъ приглашены присоединиться къ оному.

Ф р а н ц і я.

Въ Парижѣ ожидаютъ на дняхъ Владѣтельнаго Князя Греціи, Принца Леопольда Саксенъ-Кобургскаго.

9-го Марта, около 8 часовъ вечера, Канцлеръ Франціи, въ сопровожденіи большой депутаціи и Канцеляріи Палаты Перовъ поднесъ Королю адресъ въ ошвѣтъ на рѣчь Е. В.; сей адресъ оканчивается слѣдующими словами: „Первая необходимость сердца В. В. есть желаніе, чтобы Франція, счастливая и уважаемая, мирно наслаждалась благодѣтельными своими постановленіями. Она будетъ ими наслаждаться, Государь! Чшо возмогушь сдѣлать злонамѣренныя наущенія прошивъ объявленной, швердой воли В. В. къ упроченію и усовершенію сихъ постановленій? Монархія есть основаніе оныхъ, права вашей короны неразрывно сопряжены съ правами народными. Подъ попечительнымъ покровительствомъ вашимъ, они укрѣпляютъ узы, соединяющія Французовъ съ вашимъ престоломъ, съ вашею династією, для ихъ счастія необходимою. Франціи не хочешь безначалія, равно какъ ея Король не же-

ласть деспотизма. Когда преступныя козни прошивупоставящъ препятствія Правительству Вашего Величества, по, къ преодолѣнію оныхъ, вы обрѣтете подпору не только въ Перахъ, наследственныхъ защитникахъ престола и харшіи, но въ единовременномъ содѣйствіи обѣихъ Палатъ и великаго большинства Французовъ, ибо желаніе и польза всѣхъ соединяются въ томъ, чтобы священные права вашей короны, ненарушимо и нераздѣльно съ народными льгошами, перешли къ преемникамъ Вашего Величества и къ позднѣйшимъ нашимъ потомкамъ, наследникамъ нашей довѣренности и нашей любви.“

Т у р ц и я.

Эскадра Вице-Короля Египетскаго, по выходѣ изъ Дарданеллъ, должна была итти къ острову Кипру, и взять ошшуда гарнизонъ, состоящій изъ 1800 Албанцевъ, чтобы отвезти оный къ Кандію. — Корабль *La Fleur de Lys* посылается Адмираломъ Риши въ Константинополь, для отвоза ошшуда во Францію спа молодыхъ Турокъ, кошорыхъ, по желанію Султана, Графъ Гильемино обѣщаль опправитъ шуда на воспитаніе. — Адмираль Малькольмъ все еще въ Поро. — Ежечасно ожидающъ пакетбоша, опшедшаго изъ Лондона 12 Декабря, съ повелѣніемъ Адмиралу Малькольму опослать въ Англію часть своихъ кораблей. — Изъ Модона пишущъ опъ 12 Января, что Французскіе офицеры говорили объ ожидаемомъ подкрѣпленіи въ 6000 человекъ; однако нѣтъ еще официальнаго извѣстія о семъ подкрѣпленіи.

Въ *Смирнскомъ Курьерѣ* напечатана слѣдующая спашья изъ Константинополя, опъ 12 Января

ря: „29 Декабря, купцы, корабельные Капитаны и прочіе Русскіе подданные призваны были въ Канцелярію Россійскаго Посольства, открытую со 2-го числа, для выслушанія перевода фирмановъ, данныхъ Портою Главному Таможенному Надзирателю и Канцеляріи Лиманъ-Назири (Инспектора порта, или, лучше сказать, всего канала отъ устья до Чернаго моря) касательно полной и совершенной свободы торговли и плаванія Россійскихъ судовъ. Дѣла, касающіяся до Россійскаго флага, не будутъ болѣе подвѣдомственны Канцеляріи Лиманъ-Назири. — Препрежими договорами сохранены были нѣкоторыя обряды, осягощительныя для Россійскихъ судовъ, а еще болѣе для судовъ другихъ націй; сіи обряды, отъ коихъ зависѣла выдача фирмановъ на отплытіе, уничтожены, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ Россійскимъ судамъ.

Р а з н ы я и з в ѣ с т і я .

Въ Англійскихъ Газетахъ помѣщено извѣстіе, что въ Америкѣ недавно открыты останки живописнаго, самаго необыкновеннаго изъ всѣхъ извѣстныхъ по Естественной Исторіи: найдена челюсть, длиною въ 20 фушовъ и въсомъ въ 1200 фуншовъ; нѣсколько позвонковъ, шести дюймовъ въ діаметръ, и нѣсколько реберъ въ 9 фушовъ.

Увѣряютъ, что служившій во Французской артиллеріи офицеръ, по имени Рауль, бывшій съ Наполеономъ на оспровѣ Эльбѣ, и принужденный пошомъ оставиши свое отечество, командуешь артиллерією Дея Алжирскаго.

Между Мароккскимъ и Австрійскимъ Императорами заключенъ миръ, и спрашаютъ уже посланъ

въ Вѣну для рашификаціи. Говорятъ, что Мавры возвращающъ захваченное ими Австрійское судно, въ помѣ видѣ, въ какомъ оно находится шеперь, и что Австрійцы отказываются отъ вознагражденія за пропавшіе съ онаго шовары. Переговоры о мирѣ вели два сына Датскаго Консула въ Тангерѣ, во время послѣдняго путешествія ихъ въ Фецѣ.

Датскій Посланникъ при Дворѣ Великаго Герцога Ольденбургскаго, Каммергеръ Квалень, умерщвленъ въ Эйпницѣ въ ночи съ 21 на 22 Февраля; на другой день нашли въ саду шѣло его, плавающее въ крови, вытекшей изъ нѣсколькихъ смертельныхъ ранъ въ головѣ. Виночники сего злодѣянія еще не открыты.

Папа не призналъ Дона Мигуэля, какъ говорили: ибо въ Лиссабонѣ получены грамоты для Епископовъ на имя Инфанты - Правительницы. Донъ-Мигуэль былъ очень оскорбленъ этимъ.

Извѣстіе о взятіи Кашшара Черногорцами неосновательно: Кашшаро одна изъ лучшихъ крѣпостей въ Австрійскихъ областяхъ, и чтобы добраться до нее, надобно прежде взять нѣсколько укрѣпленій.

20 Марта.

С М Ъ С Ъ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢЧАНІЯ.

Драма Виктора Гюго, *Гернани*, представлена на Парижѣ 25 Февраля; это произведеніе живаго воображенія, часто опличающееся высокими красотою; оно имѣло блестящій успѣхъ, и въ при первомъ представленіи выручено 12,340 франковъ. Г. Гюго продалъ при первомъ изданіи *Гернани*, по 2000 экземпляровъ каждое, за 15,000 франковъ:

— Въ Неаполѣ показываютъ челоуѣка, лѣтъ 28, у котораго волосы въ 4 фуза длиною и совершенно подобны щетинѣ.

— Въ Парижѣ ѣдутъ... кто бы вы думали?... Наполеонъ! и проситъ займы денегъ, котораго общаешь заплашишь *со временемъ*. Вошь что выдумали плушы, для уловленія легковѣрныхъ Парижанъ!

— 14 Февраля 1660 года, Ниренбергское Собраніе Чиновъ, желая замѣнить необыкновенную убыль народа, происшедшую отъ тридцати-лѣтней войны, позволило закономъ жениться на двухъ женахъ.

— Во Франціи нынѣ считается семьдесятъ два парохода; а въ Англіи шроста двѣнадцать.

— Вальшеръ Скопшъ былъ опасно боленъ, но, къ счастью, шеперь онъ внѣ опасности.

— Знаменитая Кашалани прїѣхала въ Парижъ и, говоряшь, будешь пѣшь въ концерсахъ знаменитаго же Паганини.

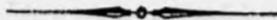
— Военныя сухопутныя силы Великобританіи состоятъ нынѣ изъ 109,000 человекъ пѣхоты и 8,818 конницы, считая въ томъ числѣ и войска Остѣ-Индской Компаніи. Содержаніе сей арміи стоишь 6,330,109 фун. стер. ш. е. 170,752,725 руб.

— „Берегись, благочестивые слушатели: у нихъ яросшь Мегеры; злоба гїены, прожорливость волчицы, скупость Гарпіи, хитрость лисицы, недовѣрчивость Цербера, лукавство Прозерпины и другія сатанинскія качества.“ Каково опредѣленіе женщины? Это недавно говорилъ въ Марсели одинъ ревностный миссіонеръ. А добрые люди выслушавъ пошли домой, кто къ женѣ, кто къ невѣстѣ.

— Въ 1812 году выходило въ Парижѣ 45 періодическихкихъ изданій, а въ 1829 число оныхъ простиралось до 509! Въ провинціяхъ въ 1812 было 146, а въ 1829-мъ голу, 398.

— Въ Лондонѣ проданы съ публичнаго шорга рукописи напечатанныхъ сочиненій Лорда Байрона, съ правомъ на новое изданіе оныхъ. Они достались книгопродавцу Мурраю, за 3700 фун. стерл. (92,500 руб.) Поэма Донъ-Жуанъ продана особо за 310 фунш. стерл.

Конецъ десятой части.

О Г Л А В Л Е Н І Е

Д Е С Я Т О Й Ч А С Т И .

(Сына Отечества части 132-й. СѢВЕРНАГО АРХИВА 46-й).

Справа.

I. Изыщная Словесность.

1. Бришанцы въ Римѣ (оконч.) 3, 65, 129 и 193.

2 Дуэль 321.

II. Нравы.

Примѣшы 29.

III. Новая Исторія.

Второй ошривокъ изъ Записокъ Бур-
рѣня. 86, 155 и 218.

IV. Современная Исторія.

Исторія Греческой войны . 237, 280 и 316.

V. Словесность.

О истинномъ и ложномъ Романизмѣ . 168.

VI. Статистика.

Описаніе города Колю въ Россійской Ла-
пландіи 296 и 348.

VII. Критика.

Замѣчанія на книгу: Общая Риторика

Н. Кошанскаго (оконч.) 47 и 104.

VIII. Стихотворенія.

1. Гречанка 55.
2. Степной конь 124.
3. Опрывокъ изъ Поэмы: Нищій, соч. По-
долинскаго 184.
4. Очеркъ 245.
5. Югъ и Сѣверъ 309.
6. Въ Альбомъ дѣвицъ Н. 310.
7. Къ Розѣ 311.
8. Миршъ и лавръ 372.

IX. Современная Политика.

2. Обзорѣніе новѣйшихъ происшествій . . 58,
125, 186, 246, 312 и 373.

X. Смѣсь.

1. Замячанія, недоумѣнія, поправки 252 и 319.
 2. Разныя извѣстія и замячанія 381.
-